

Ся Чжи расстегнул воротник рубашки. К капризному климату этой планеты он так и не смог привыкнуть.

Здесь всё отличалось от Имперской звезды с ее мягкой, предсказуемой сменой времен года. На этой же окраине весна боролась с зимой самым причудливым образом: удушливая, почти летняя жара то и дело сменялась пронизывающим до костей холодом.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге появился Энрике с огромной охапкой книг. Заметив коллегу, он изумленно воскликнул:

— Учитель Ся Чжи!

Ся Чжи, полулежа в глубоком мягком кресле, лениво перелистывал личные дела студентов. Не отрывая взгляда от документов, он лишь приподнял бровь:

— Что стряслось?

— Вы целы! И даже невредимы! — Энрике с грохотом сгрузил книги на ближайший стол и взволнованно закружил вокруг кресла, осматривая Ся Чжи со всех сторон. — Настоящее чудо, не иначе!

Ся Чжи на мгновение замер. Плавным, невозмутимым движением он отложил бумажные папки на край стола и ровным голосом спросил:

— Хочешь сказать, моим предшественникам везло меньше?

— Ну, не то чтобы совсем, — покачал головой Энрике. — В первый день эти паршивцы обычно ведут себя тише воды, прощупывают почву. Так, балуются мелкими пакостями.

— И что же следует за этим? — любопытствовал Ся Чжи, в его голосе промелькнул искренний интерес.

— Да как обычно: кто прогуливает, кто на уроках в терминал утыкается, — Энрике зябко передернул плечами, вспоминая жалобы коллег и собственный, далеко не мирный опыт общения со здешней публикой. — Пока ты закрываешь на это глаза, они тебя не трогают. Но стоит проявить строгость — пиши пропало. В гневе эти малолетние чудовища способны на самые безумные вещи.

Ся Чжи проигнорировал чужую боязливость. Его зацепила конкретная деталь.

— Проявить строгость в чем именно? Каких границ нельзя переступать?

На этот раз Энрике не стал спешить с ответом. Он опасливо огляделся, на цыпочках подошел к двери, выглянул в пустой коридор и только после этого плотно притворил створку.

Вернувшись к креслу Ся Чжи, он склонился к самому его уху и заговорщически прошептал:

— Ни в коем случае не лезьте в их семейные дела. Слышите? Никогда. Все эти дети — брошенные дети. Свои же кланы вышвырнули их вон.

Ся Чжи прищурился. Перед мысленным взором возник роскошный герб, который он приметил на одежде Блэйза Джойса.

— Брошенные дети?

— Так вы ничего не знаете? — удивился Энрике. — Учитель Ся Чжи, вы хоть открывали летопись нашей академии?

— Нет, — лаконично ответил Ся Чжи. Линь Хаодан не утруждал себя тем, чтобы ввести нового сотрудника в курс дела.

— Вот послушайте. Формально у нас учатся дети из самых разных слоев общества. Но, помимо обычных ребят, академия принимает и... особый контингент. Класс 1-А — как раз из таких. Вообще, наше заведение изначально строилось на деньги высшей имперской знати. И знаете, какова была истинная цель этого благородного жеста? — Энрике сделал многозначительную паузу, наслаждаясь моментом. Заметив, что собеседник внимательно слушает, он торжествующе закончил: — Спрятать с глаз долой мусор, который позорит свои великие фамилии. В группе 1-А собрали самый настоящий семейный брак, бесполезный мусор! И поверьте, эти дети прекрасно знают, за что их сюда сослали.

Ся Чжи в упор посмотрел на коллегу. На дряблом, тронутым первыми морщинами лице Энрике застыла приторная жалость.

Ни один уважающий себя, гордый Альфа не вынес бы подобного взгляда. Это было худшим оскорблением их сути. Даже у Ся Чжи, известного своим железным самообладанием, внутри шевельнулась темная, глухая ярость. Однако он ничем не выдал своего гнева. Голос его прозвучал столь же ровно и бесстрастно, когда он продолжил расспросы:

— Но ведь они остаются детьми аристократов, верно?

— Плевать они хотели на их статус, там от знатности осталось одно название да капля общей крови, — хмыкнул Энрике. — Великие кланы вычеркнули их из своей жизни. — В его голосе вдруг отчетливо прорезалась зависть: — Но даже так, на бумаге они все еще Джойсы или Лейстеры. Из-за этого их никто не смеет трогать — боятся гнева их семей. Кланов ведь жутко трясутся над своей репутацией. Пусть их дети и признаны браком, портить им шкуру чужакам

не позволят. Эх, везет же некоторым... Родился в правильной колыбели — и катись себе по жизни, горя не зная.

Взгляд Ся Чжи стал холодным. Желая поскорее оборвать этот разговор, он коротко бросил:

— Понятно.

Но увлекшегося Энрике было уже не остановить:

— И все-таки, до чего же жестокие нравы у этой знати. Стоит разглядеть в ребенке бесперспективность, как его тут же ссылают на нашу глухую, богом забытую планету. Чтобы вернуться на Имперскую звезду, нужно совершить четыре, а то и пять пространственных переходов! Причем все межзвездные лайнеры принадлежат корпорациям этих же самых кланов. Захочешь сбежать — только через них, а билетов изгоям никто не продаст...

Ся Чжи резко поднялся, натянув на лицо дежурную вежливую улыбку.

— Простите, учитель Энрике. Учитель Линь упоминал, что в моем трудовом договоре нашлась какая-то нестыковка. Мне нужно срочно заглянуть к нему и во всем разобраться.

— О, так чего же вы ждете! — тут же всполошился тот. — С бумагами шутки плохи, бегите скорее!

— До встречи.

Ся Чжи вышел в коридор и бесшумно прикрыл за собой дверь. Прохладный свежий воздух остудил лицо, принося мимолетное облегчение растревоженным мыслям. Развернувшись, он быстрыми шагами поднялся по лестнице на самую крышу здания.

Прямо перед ним возвышался корпус теоретического обучения. Сквозь панорамные окна было видно, как в аудиториях идут занятия: за столами послушно сидели ровные ряды студентов.

Оперевшись на прозрачный парапет ограждения, Ся Чжи устремил взор на соседнее крыло. Там, за стеклом, смеялись и переговаривались благополучные, холеные юноши и девушки — дети, чья жизнь до сих пор была соткана из тепла, достатка и родительской любви.

Ся Чжи раздраженно цыкнул сквозь зубы. Спокойствие и непринужденность, с которыми он обычно держался, бесследно испарились, уступив место глухому, давящему гневу. Он помрачнел, а в осанке прорезалась хищная агрессия.

На этой безлюдной верхотуре он наконец позволил себе сбросить оковы самоконтроля. Сорвав еще несколько пуговиц на воротнике рубашки, он глухо, яростно выплюнул в пустоту:

— Напыщенные, выжившие из ума идиоты... Разбрасываются редчайшими сокровищами, словно сточным мусором! Свора старых, алчных козлов, способных думать лишь о собственной выгоде. Настоящее позорище империи.

Он резким движением зачесал со лба назад растрепавшиеся волосы. В его взгляде вспыхнула стальная решимость:

— Ну уж нет. Смириться с этим? Никогда. Я сделаю из этих мальчишек величайших Альф в истории Империи. И пусть тогда закаменелые старцы из их советов кланов сами захлебнутся собственной желчью, осознав, кого они посмели вышвырнуть вон!

В его голове, подобно калейдоскопу, один за другим начали складываться жесткие, выверенные до мелочей планы боевой подготовки. В груди снова зажглось то давно забытое, пьянящее чувство азарта, которое вело его вперед во время бесконечных войн с проклятыми зергами.

Вот только на этот раз его врагом были не безмозглые полчища инсектоидов. Ему предстояло сокрушить напыщенных старцев, привыкших оценивать живых людей как бездушный, разменный товар.

Ся Чжи сидел в просторном, стерильно чистом ангаре подготовки мех, закрепленном за группой 1-А. Перед ним ровным строем выстроились новенькие, идеально подогнанные машины С-класса.

Даже не оборачиваясь, он прекрасно контролировал каждое движение за своей спиной. Его обостренные чувства уловили, как у входа замялись, а затем Блэйз Джойс осторожно высунул голову из-за косяка, пытаясь рассмотреть учителя.

— Хватит мяться у порога. Заходите, — небрежно бросил Ся Чжи.

Притаившиеся в коридоре ребята растерялись. Прежде чем Блэйз успел хоть что-то сообразить, чьи-то крепкие руки бесцеремонно толкнули его в спину, выпихивая в ангар.

Он замер в нескольких шагах от учителя. Глядя на эту прямую, расслабленную и в то же время пугающе монолитную спину, парень мгновенно растерял половину своего боевого задора.

Сглотнув вязкую слюну, Блэйз упрямо вздернул подбородок и, стараясь не заикаться, выдавил из себя нарочито грубое:

— Ну... и зачем ты меня звал?

Ся Чжи медленно перевел взгляд с исполинских стальных корпусов на вошедшего юношу, а затем скользнул взором к дверному проему.

— А где Сивиэль?

— Сивиэль... он ранен. Сказал, что не может прийти, — выпалил Блэйз прежде, чем успел подумать.

Ся Чжи насмешливо прищурился, всем своим видом выражая глубокое сомнение:

— Неужели он настолько хлипкий?

— У него правда рана! — упрямо выкрикнул Блэйз, защищая друга.

Ся Чжи не стал спорить. Вместо этого он задал совершенно неожиданный вопрос:

— Блэйз. Вода, суша или воздух? Выбирай.

— Вода! — выпалил Блэйз на одном дыхании.

И тут же мысленно влепил себе звонкую пощечину. Внутри него все рыдало от досады.

Ведь еще полчаса назад они с Сивиэлем во всех подробностях обсуждали, как лихо поставят этого нового выскочку-преподавателя на место. План был безупречен: когда учитель спросит про отсутствие Сивиэля, Блэйз должен был презрительно бросить ему в лицо: «Да кто ты такой, чтобы нас учить? Ты этого не достоин!»

А на деле? Он сдал назад при первом же вопросе. Ну почему, почему он оказался таким трусом?!

Блэйз, который привык считать себя грозой академии и свято верил, что за деньги можно купить даже благосклонность дьявола, сейчас испытывал к себе безграничное отвращение.

Ся Чжи опустил взгляд на юношу, едва достававшего ему до плеча.

— Блэйз, ты ведь хочешь вернуть себе право личной автономии? Полную независимость от опеки семьи?

Парень хищно блеснул глазами, он закивал:

— Еще как хочу!

— Тогда скажи, зачем ты вообще сюда поступил?

— А? — Блэйз растерянно моргнул. При чем тут его автономия? Но под суровым взглядом маршала все равно ответил чистую правду: — Потому что Сивизель и Ань Цзи уехали сюда.

Его лучших друзей детства, единственных близких людей, семьи решили сослать в эту глухомань. Узнав об этом, Блэйз на коленях умолял старшего брата отправить его следом. Брат тогда посмотрел на него как на умалишенного, но все же подписал документы о переводе.

Ся Чжи на несколько секунд лишился дара речи. Причина оказалась настолько наивной и глупой, что ему искренне захотелось упаковать Блэйза в коробку и отправить на Имперскую звезду к лучшим психиатрам.

— То есть Мориссон тебя не принуждал?

— С чего бы? — фыркнул Блэйз. — Отец, наоборот, хотел заставить меня остаться в Центральной академии на Имперской звезде. Но там же учатся одни зануды и зубрилы! Скука смертная.

Ся Чжи мысленно поставил крест на планах использовать Блэйза как отправную точку для раскола группы. Этот парень был слишком инфантилен. Зато этот разговор прояснил другое: он зря плохо думал о главе клана Джойс. Мориссон, будучи самым богатым человеком империи, по крайней мере, не стал вымещать старую обиду на Нориса Лейстера на собственном сыне.

— А Сивизель и Ань Цзи? Они тоже приехали сюда по своей воле? — мягко спросил Ся Чжи.

— Наверное? — Блэйз озадаченно склонил голову набок, пытаясь вспомнить детали. — Сивизель перед отъездом говорил, что безумно рад наконец-то вырваться из этого душного, проклятого гнезда.

Но если быть честным... улыбка, с которой Сивизель произносил эти слова, тогда по-настоящему испугала Блэйза. А после того как они перевелись сюда, Сивизель и вовсе закрылся в себе. Он по-прежнему относился к Блэйзу тепло, но с Ань Цзи они явно стали куда ближе.

Блэйз уныло понурился. Скрывать глупую детскую обиду было бессмысленно: он отчаянно ревновал. Раньше они были неразлейвода, настоящим трио, а теперь он чувствовал себя лишним на этом празднике жизни.

Наблюдая за сменой эмоций на лице подростка, Ся Чжи негромко произнес:

— Блэйз, у меня есть к тебе дело.

Глядя на этого взбалмошного мальчишку, Ся Чжи невольно вспомнил свой короткий отпуск на Имперской звезде, когда его внезапно сорвали на недельную стажировку в кадетский корпус. Именно тогда он впервые столкнулся с младшим Джойсом — изнеженным сыночком миллиардера, которого повсюду сопровождала личная охрана. Ся Чжи тогда не горел желанием нянчиться с золотым мальчиком, у которого на каждый чих была куча привилегий, и просто предоставил его самому себе.

Но врезалась в память другая сцена. В свою последнюю ночь перед отбытием на фронт Ся Чжи случайно наткнулся в темном парке на Мориссона Джойса. Тот сидел на скамье в полном одиночестве. Это был единственный раз в жизни, когда Ся Чжи видел, как этот невероятно гордый, несокрушимый Альфа рыдал взахлеб, задыхаясь от собственной боли. Ся Чжи тогда не стал лезть в чужую душу и тихо ушел, сохранив чужую слабость в тайне.

И вот теперь перед ним стояла точная, уменьшенная копия Мориссона. Только, судя по всему, совершенно обделенная отцовской проницательностью.

— А? — глуповато переспросил Блэйз.

Ся Чжи активировал свой терминал и спроецировал в воздух голографический экран со светящимися строками.

— Скоро стартует двенадцатый Имперский турнир мех. Есть желание поучаствовать?

Блэйз уставился на экран, пару раз удивленно моргнул, а затем с обезоруживающей честностью выдал:

— Учитель Ся Чжи, мы же огреем в первом же раунде. Мы никого не победим.

Ся Чжи на мгновение лишился дара речи.

—...

Он даже не нашелся, что ответить на столь убийственную, но предельно трезвую самооценку.

— Если вы действительно этого захотите, я сделаю так, что кубок победителей будет вашим, — тихо, но с абсолютной уверенностью произнес он. — У вас есть всё, чтобы стать лучшими.